

Десять дней спустя в маленькой квартире в Бельской красавица Гермина Розен горько плакала, прижимая кудрявую голову к плечу своей старшей подруги.

- Нет-нет, я не переживу этого разочарования! Она сказала. - После всего этого, после такого беспрецедентного успеха, как ваш, после официального обещания самого «квартирмейстера» и вдруг... отказа! Отказ от третьего дебюта! Это неслыханное оскорбление! И я не понимаю, как ты можешь сохранять спокойствие, Ольга !?

«Никогда не стоит отчаиваться, особенно в тех случаях, когда на самом деле ничего страшного не произошло ...»

- Ну, вы находите естественным отказ от третьего дебюта после вашего успеха в первых ролях? После всего, что Spreidel написал о вас?

Ольга улыбнулась, но улыбка вышла несчастной.

- Доктор Шпайдель был очень добр ко мне и высоко оценил вышеуказанные меры, но другие критики считают, что я не говорю по-немецки правильно. Возможно они правы.

- Не правда! - воскликнула Гермина. - Смешно читать такие глупости! Да и не о тебе дорогая речь, а обо мне. Ну а я нашел иностранный акцент, венский уроженец? Нет, все это интрига! Недаром Марта Нессели села как синяк, когда вы играли в Маргариту, а ее обожатель был не без основания другом мистера-квартирмейстера.

Ольга Бельская подумала минуту. Слово «интрига», произнесенное маленькой подругой, вызвало у нее смутное воспоминание ... Но, что странно, она вспомнила не симпатичную актрису - в ролях «короны», в которых дебютировала, а коротенького худого джентльмена в безупречном фраке, со звездой на груди и с чисто еврейским типом умного, болезненного лица: Адольф Блаустейн, знаменитый австрийский банкир, который так старательно ухаживал за прекрасным консерватором во время последнего студенческого представления. Я вспомнил о Ольге и великолепном кружевном веере с зашифрованным бриллиантом, принесенным ей этим архимиллионером, и невольно вырвал у нее ответ: «Я не продаюсь, барон ... особенно еврей ...»

Боже, какой гнев зажег полые черные глаза еврейского банкира, который не мог найти ответ на свою полусознательную наглость, но измерил ее долгим злым взглядом ... Разве не в этом взгляде нужно искать объяснение нарушения словесного условия, почти официально заключенного между дебютантом и дирекцией венского придворного театра после ее сенсационного успеха в главных ролях «Герой и Гретхен»? Влияние иудаизма велико везде, особенно в Вене. И, кто знает, были ли два англичанина, которые присутствовали при еще более наглом ответе российской актрисы на второго влиятельного еврейского банкира, Альфреда Цвайфуса, - были ли они агентами, исполнителями еврейской мести? В конце концов, они были представлены ей самим графом Хохбергом, всемогущим «квартирмейстером» королевских имперских австрийских театров ...

Но в этом случае зачем объяснять нарушение условий дирекции театра Бург с Герминой Розен, которая не была способна на какую-либо смелость, и, кроме того, она сама была еврейкой или, в меньшей степени, дочерью еврея женщина, близкая к отцу того самого Цвайфуса, которого красавица дебютантка так остроумно «обидела».

«Скажи мне, Гермина», - вдруг повернулась Ольга к своему юному другу, нетерпеливо шагая по комнате. «Скажите, вы снова встречали этих англичан?» Вы помните тех, кого граф Хохберг привел к нам в уборную во время выступления Него?

С этим вопросом легкая прозрачная краска на нежном лице Гермины Розен сменилась яркой краской, и ее черные глаза сверкали.

«Конечно, я сделал,» ответила она. «По крайней мере, один из них, лорд Дженнер ... Он приехал навестить маму после моего дебюта, и представьте себе, почему? .. Я был даже удивлен, и мама тоже. Лорд Дженнер посоветовал мне покинуть неблагодарную Вену и поехать в Америку, где актрисы с такими талантами, как мы с вами, носим на руках и засыпаем в золоте ...

Выражение недоумения появилось на красивом задумчивом лице Ольги.

«Значит, вам предложили помолвку в Америке, как и мне?» Она спросила. - Странный ...

«Почему это странно, дорогая юная леди?» - вдруг сзади раздался мужской голос девушки.

Оба вздрогнули и обернулись, чтобы встретить двух стариков с белоснежными кудряшками и удивительно респектабельными лицами.

Один из этих стариков носил министерские усы и элегантный легкий костюм, немного юношеский для своего возраста. Но все давно привыкли к появлению знаменитого агента, совсем не удивляясь его пристрастию к розовым галстукам и коротким жакетам. Чтобы соответствовать костюму, вопреки возрасту, было лицо Карла Сакса, чье почтение и степень противоречили коварным и пронзительным глазам, вызывая любые чувства, только не уважение, приличествующие 65-летнему мужчине. Карл Сакс был очень популярен в художественных кругах Вены и Берлина и был желанным гостем в доме каждого актера или актрисы.

Его собеседник был не менее популярной личностью, хотя и по другим причинам. Это был высокий, статный старик, тоже лет 65, с длинной густой серебряной бородой и добрыми голубыми глазами. Он был одет в длинное черное сюртук с черным галстуком. Август Гросс был также знаменитостью театрального мира, известным и любимым провинциальным режиссером. Вся Германия знала и ценила этого умного и доброго старика, который заслужил безграничное уважение и теплую благодарность бесчисленных молодых актеров, которым он помогал делать первые шаги на сцене, обучая их в своей труппе и готовясь к более масштабным сценам.

Молодые девушки хорошо знали обоих стариков, которые случайно встретились на лестнице и поэтому не были особенно удивлены их неожиданным появлением.

- Я надеюсь, что прекрасная мамзель Ольга простит меня за то, что я появился из-за штор в самый интересный момент ... Вы были так глубоко в своих мыслях, что не слышали ни нашего звонка, ни наших переговоров с вашей доброй любовницей, которая показала нам путь к царству красоты и таланта.

Театральный агент говорил как помпезный слог человека, который хочет выглядеть совершенно воспитанным и утонченным. Для художников, имеющих дело с венским агентом, было достаточно, чтобы «режиссер» Сакс был редким исключением среди других агентов (в большинстве случаев евреев), которые слишком откровенно смотрят на актеров и особенно на актрис, обращающихся к ним - как живые товары. Карл Сакс, напротив, выставлял напоказ вежливость и отцовское отношение к своим клиентам. И за это они его любили, и молодые художники охотно следовали его советам.

- Значит, вы считаете, что приглашение в Америку выгодно? - спросила Ольга, усадив своих гостей, и потянула к ним ящик с русскими сигаретами.

«А почему бы и нет, прекрасный Герой?» Агент театра говорил мягко и убедительно. - Контракт, предложенный вам дирекцией театра в Милуоке, может соблазнить даже старую знаменитость, а не просто молодого начинающего художника. В противном случае я бы не советовал вам принять это предложение и не пришел бы сегодня, чтобы повторить этот совет.

«И я отвечу вам сегодня так же, как я ответил вчера, и даже более решительно: нет, нет и нет ... И вы знаете, почему?» - серьезно возразила Ольга. «Они обвиняют меня в неправильном выговоре, верно? Поэтому я должен исправить этот недостаток. Но возможно ли это сделать, живя между иностранцами? В Америке я могу только испортить свой немецкий язык еще хуже.

Агент театра покачал головой.

«Миссень Ольга, вы слишком добросовестны, - неодобрительно заметил он. - Если бы ваш акцент был действительно настолько сильным, чтобы помешать вам добиться успеха, то вас, конечно, не пригласили бы в Милуоки.

- В таком случае кому нужно было устроить интригу, которая разрушила нашу помолвку в театре Бург? - неожиданно сказала Гермина Розен. «Не думайте, что я беспокоюсь о себе, джентльмены». Моя мама всегда была против моего поступления в театр Бург, где начинающим платят такую маленькую зарплату. Она уступила только моим просьбам и совету Ольги. Но теперь, когда моя помолвка была расстроена, мама положительно радуется, имея возможность принять предложение директора Яунера, который устраивает новую феерию и приглашает для нее специальную труппу. Я негодую на Ольгу, которая играет лучших из всех старых венских актрис и которых кто-то не хочет допустить на придворную сцену.

Старый провинциальный директор, все еще молчащий, неожиданно повернулся к Ольге:

«Вы правы, Мамзель Ольга». Я бы также не советовал вам уезжать в Милуоки, хотя бы потому, что вам, как иностранцу, все еще нужно больше времени и усилий для подготовки каждой новой роли. В Америке новые спектакли ставятся почти каждый день, и много, если с двумя репетициями. Поэтому вам, несомненно, будет трудно выдержать целый сезон, особенно если невозможно заранее подготовить роли в неизвестных пьесах.

Карл Сакс сделал невольную гримасу.

«Это плохо, старый друг, бить хлеб от работающего человека», - заметил он в шутку. - Если вы остановите меня от заключения контрактов, мне придется закрыть магазин ... И я был настолько уверен в согласии нашего любимого Героя, что заранее написал проект контракта и даже привел его с собой.

«Они были напрасны, директор», - спокойно сказала Ольга. - Если я отказался от предложения, столь же лестного, как и прибыльного, то это было именно потому, что я предвидел художественные трудности, которые режиссер Гросс только что подтвердил для меня.

«Но тогда, что ты собираешься делать, дорогая юная леди?» Речь идет о лете, вы должны решить что-то, или вы, вероятно, останетесь без помолвки на следующую зиму.

Симпатичная Гермина снова вмешалась в разговор:

- И я советую Ольге плевать на все серьезные театры и входить в Яунер со мной. Во-первых, мы будем вместе и докажем противным режиссерам театра Бург, что нам это не нужно и что публика ценит нас более справедливо, чем они. И, во-вторых, Яунер надевает изумительную феерию, переделанную из сказки Андерсена «Воронье гнездо». Есть две главные женские роли, одна лучше, чем другая. С одной стороны, он пригласил меня, а с другой, очень драматическую роль, он очень хотел бы получить Ольгу ... Он сам попросил меня уладить этот вопрос и убедить вас поговорить с ним. Конечно, я обещал сделать то, что я могу, и я буду бесконечно счастлив, если вы согласитесь. Действительно согласен, Ольга ...

«Вы должны быть театральным агентом, дорогая молодая леди», любезно сказал Сакс. «Ты кого-нибудь убеждаешь ...»

«Не я», - прервала Ольга серьезным голосом. «Не сердись на меня и не расстраивайся». Но начать карьеру с Joiner означает навсегда отказаться от серьезной сцены. Если бы я покинул свою родину, чтобы учиться и стать настоящей серьезной актрисой, если бы у меня было терпение в течение двух лет не читать ни одной русской книги, не говорить ни слова на своем родном языке, научиться даже думать по-немецки, тогда, согласитесь, было бы по крайней мере нелогично отказываться от серьезного искусства сейчас только потому, что кто-то или что-то мешало моему успеху. Возможно, мне действительно нужно учить немецкий еще год ... Ну, я сделаю это и пойду просить помолвки не у Яунера, а у директора Гроссе. Он был доставлен мне сегодня самой судьбой. Возможно, он не откажется взять меня в свою труппу и поступить со мной так же, как он поступил со многими другими начинающими актерами и певцами, которые теперь стали известными артистами.

Старый агент чуть не подпрыгнул от удивления.

«Но позвольте мне, дорогая юная леди ... Мой старый друг Гросс простит меня». Он знает мое уважение к нему и мою уверенность в его методе и его мнении. Но почему вы должны провести год или два в маленьком провинциальном театре, в каком-то Аугсбурге? ..

«Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, - сказал Цезарь, но он не был глупее нас с тобой», - ответила Ольга, улыбаясь. - Если директор Гросс не откажется от моего совета, то я, конечно, выдержу сезон не хуже другого.

Умные, добрые глаза старого режиссера сияли от радости.

«Мой совет к вашим услугам, дорогая молодая леди». Поверьте мне, я искренне рад, тем более, что у меня пока нет художников для ваших ролей. Но я должен отметить одну вещь: бюджет моего театра очень ограничен.

Ольга Бельская весело смеялась.

- Ну, это небольшая проблема. К счастью, у меня есть возможность жить комфортно два или три года, и даже сделать подходящие костюмы для себя. Итак, назначьте мне контент, который вы хотите, дорогой директор. Я заранее обо всем согласен ...

В берлине

Три года прошло ...

Мы снова встречаемся с нашими художниками, но уже в роскошном будуаре очаровательного маленького особняка на одной из лучших улиц Берлина, окутывающей знаменитый городской парк Тиргартен. Гермина Розен живет в этой роскошной вилле, «звезде» одного из многих частных берлинских театров, сверкающей красотой, костюмами и бриллиантами, а не просто драматическим талантом.

Три года - значительное время для молодой девушки и, в частности, для молодого художника. За три года женщина может многому научиться и забыть еще больше, не исключая по-детски чистых увлечений любовью и дружбой.

Но, как ни странно, симпатия, которая связывала двух стольких похожих учеников Венской консерватории, тем не менее, сохранялась, несмотря на трехлетнее разделение. А теперь Бельскую, только что прибывшую в Берлин, на вокзале встретила Гермина Розен. Русским художникам с большим трудом удалось завоевать право поселиться в отеле Bristol, а не в очаровательной «квартире», приготовленной для нее ее подругой в ее роскошной квартире.

В качестве награды Ольга пообещала подруге поужинать с ней в один день и провести весь вечер вместе.

Тонкий, превосходно сервированный ужин только что закончился.

Друзья переехали из великолепной столовой, обставленной черным деревом с бронзовыми вставками и необычайным изобилием серебра на двух больших резных сервантах, и устроились в маленьком восьмиугольном будуаре хозяйки дома - очаровательный уголок, полностью покрытый паленым сатином с вышивкой с букетами малиновых роз, любимыми цветами гермины (по крайней мере, в этом сезоне). Огромные букеты из тех же роз стояли на камине и на столах. Через открытое венецианское окно, закрытое занавеской из настоящего венецианского кружева, выходил свежий весенний воздух, пропитанный ароматом цветущей сирени. Окно будуара выходило в небольшой цветник, расположенный напротив фасада виллы «Джермина». Сложная позолоченная решетка отделяла этот цветник от улицы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/38660/830436>